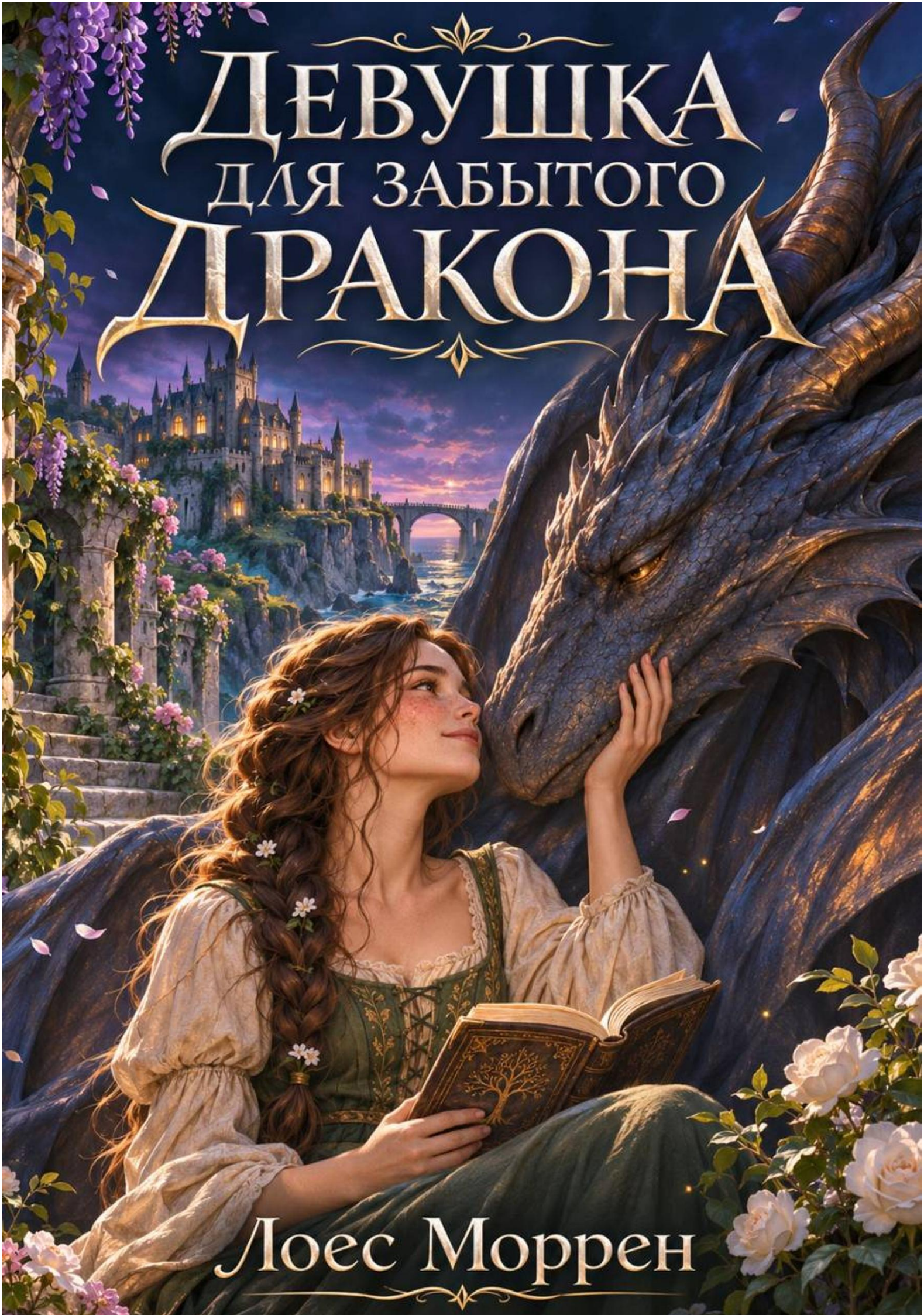

Девушка для забытого дракона
Лоес Моррен

Лоес Моррен

Девушка для забытого дракона

«Автор»
2026

Моррен Л.

Девушка для забытого дракона / Л. Моррен — «Автор», 2026

Раз в десять лет одну девушку отправляют в дар дракону. На этот раз выбрали меня — крестьянскую дочь, которая мечтала выйти замуж за кузнеца.
Однако за поднятым мостом меня встретили тишина, запустение и девушка, прожившая здесь десять лет. Она уверяла, что никакого дракона нет. Пока однажды ночью я не нашла лестницу в пещеру.Он оказался там — огромный, молчаливый, давно забывший солнечный свет. Я начала приносить ему еду и читать вслух, а он предложил сделку: моя забота в обмен на свободу. Казалось бы, простые условия для девушки, которую ждут дома.Только с каждой встречей мне всё труднее помнить, что я собираюсь уйти. За драконьей чешуёй скрывается мужчина, чьей улыбки я жду сильнее, чем возможности вернуться к прежней жизни. А за легендой о жестоком чудовище — тайна, ради которой кому-то очень нужно, чтобы девушки никогда не покидали замок.Я добьюсь свободы. Но хватит ли мне смелости выбрать, кому после этого отдать своё сердце?

© Моррен Л., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 11
Глава 3 17
Конец ознакомительного фрагмента. 22

Лоес Моррен
Девушка для забытого дракона

Глава 1

В тот день я собиралась выйти замуж, хотя Мартен об этом ещё не знал. Вернее, он-то как раз знал и уже полгода уговаривал меня сказать родителям, но я всякий раз находила причину подождать. Сегодня причины кончились: крыша над кузницей была починена, два серебряных лежали в шкатулке под моими чулками, а проводить ещё одну зиму в разлуке мне совершенно не хотелось.

Я сидела у окна и штопала передник тётушки Берты, стараясь не улыбаться каждому стежку. Передник прорвался в таком неудобном месте, что проще было пришить новый карман, чем объяснять хозяйке, почему заплата выглядит как подмоченная груша. Мама поглядывала на меня от печи и слишком старательно не задавала вопросов.

— Ты этот карман к свадьбе закончить собираешься? — наконец поинтересовалась она, вытирая руки о полотенце. — Берта уже дважды присылала внука, а ты всё над ним вздыхаешь. Я бы поняла, если бы ты рубашку кузнецу шила, но передник-то чем провинился?

Я уколола палец и сунула его в рот, чем окончательно выдала себя. Мама довольно хмыкнула, подвинула ко мне блюдце с ломтём хлеба и вернулась к похлёбке. На хлебе лежал тонкий кусочек сыра, и я мысленно отметила, что она опять оставила себе одну корку.

— Сядь хоть ненадолго, — попросила я, разделив ломоть пополам. — Картофель сам доварится, если на него не смотреть. А если папа придёт раньше и обнаружит тебя без дела, скажем, что ты учила меня лениться, раз уж другим полезным вещам научила.

Передник я всё-таки закончила до того, как в колодце перестало отражаться солнце. Берта расплатилась двумя яйцами, посмотрела на новый карман и объявила, что теперь её фартук наряднее праздничного платья. Я спрятала яйца в корзинку и пошла через площадь, прикидывая, можно ли вечером заговорить о свадьбе до ужина, чтобы не дать отцу уйти спать раньше разговора.

У колодца двое работников прибивали к столбу жестяного дракона. Ему вырезали зубастую пасть и крылья с острыми концами, а один глаз получился выше другого, отчего древний ужас побережья выглядел сердитым и слегка пьяным. На земле лежали чёрные ленты, и ветер гонял по камням обрезки.

— Говорят, завтра повезут, — сказала жена мельника, когда я остановилась пропустить тележку. — Нашей очереди сто лет не было, а вот поди ж ты, дожили. Хорошо ещё, баронская кухарка сказала, будто выбирают среди незамужних в большом доме.

Я взглянула на верхушки башен за садовой стеной и подумала о горничных, с которыми иногда менялась выкройками. Мы все знали, что каждые десять лет одно из прибрежных владений отправляет девушку в Серый Утёс, но знание это обычно лежало где-то рядом со сказками о морских змеях. Даже теперь, под жестяными крыльями, я почему-то была уверена: настоящее несчастье не может начаться в день, когда у меня в корзинке два яйца, а дома надо нарезать хлеб.

На обратном пути я задержалась у нашей калитки, поправляя расшатавшуюся петлю обломком проволоки. Земля уже тянула холодом, в огороде темнели мокрые стебли, а из открытого окна пахло луком и дымом. Я вспомнила Мартенову ладонь у себя на затылке и улыбнулась так глупо, что пришлось пригнуться над петлёй, хотя никто меня не видел.

Отец появился со стороны поля, когда я ещё возилась с проволокой. Он нёс мотыгу за самое лезвие, волоча черенок по земле, и не ответил на мой вопрос, не случилось ли чего с

лошадью. Только положил тяжёлую руку мне на плечо и осторожно отодвинул от калитки, как отодвигают человека с дороги перед повозкой.

В доме он не умылся и даже не снял сапог, чего мама никогда ему не позволяла. Поставил мотыгу в угол, вынул из-за пазухи сложенный лист и положил на стол прямо в лужицу от мокрой кружки. На воске отпечатался баронский кабан. Мама вдруг опустила половник обратно в горшок и сказала таким голосом, которого я прежде у неё не слышала:

— Только не говори мне, Ян, что ты это принёс. Скажи, что тебя послали передать соседям или спросить дорогу. Скажи хоть что-нибудь, пока она ещё не поняла.

Отец посмотрел на меня, и все разговоры на площади внезапно сделались очень ясными. Я успела подумать, что следовало сразу спросить имя, хотя от этого ничего бы не изменилось. Потом он придвинул ко мне бумагу, и я прочитала своё имя сама.

— Завтра на рассвете, — произнёс отец, не поднимая глаз. — От наших владений отправляют тебя. Управляющий сказал собрать тёплую одежду и не задерживать возницу.

Я стояла так близко к столу, что край упирался мне в бёдра, но вдруг перестала его чувствовать. На бумаге ровными строчками было написано, где я живу, сколько мне лет и кто должен доставить меня к дороге на Серый Утёс. После моего имени писарь поставил аккуратную точку, будто закончил счёт за мешок овса.

— Нет, — сказала мама и взяла лист прежде, чем я сумела дочитать. — У Освальда Ровена полон дом людей, а у нас одна дочь. Пусть выбирает среди тех, кому платит жалованье, раз ему непременно понадобилась чья-то жизнь.

Отец провёл ладонью по лицу. Мама перечитала приказ, словно искала ошибку. Я ждала, что он возразит ей.

— Мы продадим корову, — заговорила она торопливо. — И овец, если нужно, и сундук моей матери, там хорошее дерево. Ты пойдёшь обратно и скажешь, что мы заплатим, сколько надо, только пусть найдут другую службу, другую повинность, что угодно.

— Это не денежный сбор, Агна, — ответил он. — Я предлагал отработать, обещал всю зиму возить лес. Мне велели перестать тратить время и напомнили, кому принадлежит наш дом.

Услышав про дом, я наконец пошевелилась и села на лавку. Под пальцами оказалась старая зарубка, которую я сделала ножом ещё девочкой, когда хотела измерить, насколько выросла за лето. Отец тогда ругал меня за испорченное дерево, а потом сам вырезал рядом год, чтобы зарубка не пропала зря.

— И что будет, если я откажусь? — спросила я. — Мне двадцать два года, я умею работать и могу наняться в другом месте. Неужели барону мало того, что мы уже отдаём с каждого урожая?

Он ответил не сразу, и я успела услышать, как кипит на печи похлёбка. Потом отец перечислил выселение до конца недели, взыскание недоимки и обвинение в неповиновении договору побережья. Арестовать обещали его, потому что приказ вручили старшему в семье, и мама медленно положила бумагу на стол.

— Значит, ты согласился, — сказала я, глядя на его неподвижные руки. — Тебе объяснили, что отберут, и ты решил отдать меня. Даже не пришёл сначала спросить, что я об этом думаю.

— Я ничего не решал, Эвелина, — глухо ответил отец. — Меня привели к управляющему прямо с поля и прочитали твоё имя. Ты думаешь, я сам попросил вписать туда мою дочь?

Мама резко велела ему не повышать на меня голос, хотя кричала уже я. Мне хотелось заставить его сказать, что он порвёт приказ, спрячется со мной в лесу, сделает хоть что-нибудь, чего не предусмотрел человек с печатью. Вместо этого отец сидел на своём месте за столом и повторял, что спорить с бароном нам нечем.

— А мной, значит, есть чем расплатиться, — выговорила я. — Я достаточно выросла, чтобы меня увезли, но ещё недостаточно, чтобы со мной поговорили. Ты хоть спросил, живы ли те, которых увозили раньше?

Я схватила бумагу, смяв ещё мягкий воск, и поднялась так резко, что опрокинула корзинку. Одно яйцо покатилось под лавку, второе разбилось у отцовского сапога, но никто не нагнулся его поднять. Мама позвала меня по имени, а я уже выбежала за дверь, не взяв даже платка.

До кузницы я добралась почти бегом, с застрявшим в горле дыханием. За поворотом стучал молот, и каждый удар звучал привычно, надёжно, будто мир всё ещё держался на месте. Я толкнула тяжёлую дверь плечом и остановилась у порога, ослеплённая красным светом горна.

Мартен стоял у наковальни с закатанными рукавами и прядью волос, прилипшей ко лбу. Увидев меня, он опустил молот и улыбнулся той улыбкой, из-за которой я порой забывала, что пришла по делу. На краю верстака лежала крохотная подковка с двумя просверлёнными отверстиями, и от этой смешной заготовки у меня чуть не подкосились колени.

— Если ты опять принесла чинить сковороду, я сначала потребую ужин, — сказал он, но тут же перестал улыбаться. — Эва, что случилось, ты почему босая? Подойди к горну, у тебя ноги мокрые насквозь.

Только тогда я посмотрела вниз и увидела, что один деревянный башмак потеряла по дороге. Я сунула ему приказ вместо ответа и села на табурет, потому что больше стоять не могла. Мартен прочитал лист, перевернул, словно самое важное могло оказаться на обороте, а потом молча задвинул дверной засов.

Он присел передо мной, взял мою ступню и стёр грязь краем чистой тряпки. На щеке у него дёргалась мышца, однако руки оставались осторожными, и я вдруг расплакалась от этой осторожности. Мартен не стал говорить, что всё обойдётся, только придвинул меня ближе и дождался, пока я смогу рассказать.

Я говорила долго и путано, возвращаясь то к отцовским сапогам, то к жестяному дракону на площади. Особенно почему-то мешала разбитая скорлупа: я никак не могла перестать вспоминать её возле ножки стола. Мартен слушал, а потом встал и достал из-под верстака дорожную сумку.

— Есть Дорн, за восточной межой, — сказал он, раскладывая её на столе. — У мастера Олвина с весны пустует место подмастерья, он звал меня ещё после ярмарки. До рассвета мы пройдём мельничную дорогу, а днём наймёмся на попутную телегу и доберёмся до него.

— Они выгонят родителей, — сказала я, сжав край табурета. — Мама не переживёт зиму без дома, а отца могут забрать вместо меня. Я сейчас злюсь на него так, что не могу дышать, но это ведь не значит, что я хочу ему зла.

Мартен сел рядом и некоторое время смотрел в горн. Он не стал обещать, что барон забудет о нас к завтрашнему обеду, и за это я была ему благодарна. Вместо красивых слов мы начали считать: сколько стоит комната в Дорне, сколько он заработает до зимы, когда сможет передать деньги моим родителям.

— Если останешься, тебе не дадут помочь им никогда, — тихо сказал он. — А там хотя бы сможем что-то сделать, пусть не сразу. Олвин человек упрямый, у него три сына работают в городской страже, баронские люди не станут хватать нас посреди его двора.

Я вспомнила, как прошлой зимой Мартен несколько вечеров приходил чинить нашу печную заслонку, хотя отец каждый раз говорил, что мы ещё не расплатились за сошник. Мартен отвечал, что сперва надо перестать греть улицу, а о деньгах он подумает весной. Я полюбила его не в тот вечер, когда он впервые поцеловал меня за мельницей, а гораздо раньше, когда увидела, как он подсунул маме её же монету, уверив, будто она дала лишнюю.

— Я пойду, — сказала я и почувствовала, как страшно произнести это вслух. — Только мы обязательно напишем им, сразу, как доберёмся. Не позволю маме думать, что я лежу где-нибудь в канаве или уже у дракона.

Он поцеловал мои холодные пальцы и прижался к ним лбом. Потом нашёл пару старых сапог ученика, набил носки тряпками и заставил меня съесть хлеб с мясом, хотя глотать было почти невозможно. На верстаке осталась маленькая подковка, и, заметив мой взгляд, Мартен протянул её мне, смущённо пожав плечами.

— Хотел сделать тебе застёжку для свадебного пояса, — признался он. — Ещё не отполировал, да и отверстия кривоваты, но теперь, видно, придётся носить такую. Зато на счастье я её ковал с большим старанием, это ты уж учитывай.

Я спрятала подковку за вырез платья, удерживая под тканью, пока он не продел в отверстия шнурок. От близости его лица стало немножко легче, и я сама потянулась за поцелуем, торопливым и солёным от слёз. Мартен придержал мой затылок и сказал, что больше никому не позволит меня забрать.

Через заднюю дверь мы вышли уже в сумерках, оставив в кузнице прикрытый горн. Мартен нёс сумку, а мне достались узелок с едой и запасной плащ, пахнувший шерстью и дымом. Я всё время ждала окрика, но за огородами только скрипела сухая ботва и где-то ругалась женщина, загоняя гусей.

У мельницы мы свернули с дороги в орешник. Колесо стояло, вода сочилась под заслонкой, и в тишине было слышно, как сумка постукивает пряжкой о Мартеново бедро. Я перестала оглядываться на деревню и впервые подумала, что через год смогу вспоминать сегодняшний вечер из своей комнаты в Дорне.

— Напишем, что уехали ещё до приказа, — предложила я, стараясь говорить негромко. — Будто ты получил место заранее и я просто решила пойти с тобой. Тогда отец сможет показать письмо управляющему и сказать, что не знал, где меня искать.

Мартен кивнул, хотя по его лицу я увидела, что он тоже не слишком верит в защитную силу письма. Он сказал, что лучше отправить его с торговцем, которому доверяет Олвин, и отдельно передать маме деньги. Мы обсуждали самые простые вещи, вроде цены свечей и того, где купить одеяло, потому что о другом думать было слишком страшно.

На восточной меже рос старый бук с расщеплённым стволом. Когда я была маленькой, отец показывал на зарубку у его корней и объяснял, что за деревом уже другая земля, хотя трава с обеих сторон выглядит одинаково. Теперь я смотрела на чёрную развилку впереди и считала шаги, словно после последнего кто-то непременно отнимет у барона право произносить моё имя.

Сначала я заметила огонёк между ветвями и решила, что это поздний путник. Потом лошадь переступила на дороге, звякнуло железо, а с другой стороны орешника поднялся человек с арбалетом. Мартен остановился так резко, что я ударилась ему в спину, и фонарь направили нам в лицо.

— Куда собрались на ночь глядя? — спросил конный, придерживая поводья. — До утра все выходы из владения под присмотром, приказ барона. С дороги сойдите и назовитесь, чтобы нам не пришлось за вами гоняться.

— Сестру к тётке веду, — ответил Мартен, положив ладонь мне на плечо. — У женщины жар, послали за помощью, а я один по темноте её не отпущу. Ты меня знаешь, Грет, я с твоей кобылы в прошлом месяце трещину сводил, ещё велел не пускать по камням.

Это был десятник Грет, иногда привозивший в кузницу свою кобылу. Он посмотрел на Мартенову сумку, и я сразу поняла, что мы взяли слишком много для короткой дороги. Он велел мне откинуть капюшон, а когда я не послушалась, спешился и подошёл сам. От фонаря пахнуло горячим маслом, и в жёлтом свете я увидела листок, который он держал поверх перчатки.

— Эвелина Рид, двадцать два года, — прочитал он, почти не глядя в бумагу. — Тёмно-русые волосы, глаза серые, шрам на левом большом пальце. Покажи руку, девушка, не заставляй меня хватать тебя при нём.

Я спрятала пальцы в складки плаща, но Мартен уже отодвинул меня за спину. Один из стражников потянулся к его сумке, и он отбросил чужую руку так, что мужчина отступил в грязь. Всё случилось быстро: короткая ругань, удар древком в живот, Мартенов хрип и блеск меча, который Грет выдернул из ножен.

— Не трогайте его, я пойду! — крикнула я, вцепившись в Мартенов рукав. — Слышишь, не надо, пожалуйста, посмотри на меня. Я пойду с ними, только убери руки, они тебя убьют.

Он попытался выпрямиться, но двое уже держали его за плечи. Я видела кровь на его губе, видела, как он старается вдохнуть, и не могла понять, почему сама до сих пор стою на ногах. Десятник велел связать ему запястья и отвернулся от моих просьб, будто гораздо важнее было проверить подпругу.

— За сопротивление посидит у управляющего, — сказал Грет, возвращая меч в ножны. — Если ты до утра перестанешь искать себе дорогу, никто его больше пальцем не тронет. А попробуешь ещё раз, я уже не смогу объяснить, что кузнец тут ни при чём.

Мартен успел произнести моё имя, прежде чем его повели к телеге, стоявшей за буком. Я шагнула следом и получила поперёк груди жёсткую руку десятника, пахнувшую кожей и лошадиным потом. Потом у меня забрали дорожный узелок, развернули к деревне, и граница осталась за спиной совсем близко, в каких-нибудь двадцати шагах.

Обратно меня вели по большой дороге, даже не стараясь скрыться. В домах ещё горели огни, но двери закрывались раньше, чем мы успевали приблизиться, и я не знала, чего хочу больше: чтобы кто-нибудь вышел или чтобы никто меня не увидел. К нашей калитке мама выбежала без платка, и Грет придержал меня, пока она не остановилась.

Он велел держать дочь дома, сам проверил задний выход и поставил у окна молодого стражника с копьём. Отец не стал спорить, только спросил, куда увели Мартена, и получил короткое «в темницу». Когда засов снаружи лёг на место, я услышала, как мама резко втянула воздух, будто удар пришёлся по ней.

На полу возле стола уже было чисто, а яйцо, укатившееся под лавку, стояло в маленькой миске. Мама заметила мой взгляд и зачем-то объяснила, что оно целое, даже не треснуло. От этих слов я села прямо на порог и заплакала так, как не плакала даже в кузнице, закрыв лицо обеими руками.

Она не спрашивала, о чём я думала и куда надеялась уйти в неподходящих сапогах. Просто опустилась рядом и обняла, прижимая мою голову к своему плечу. Отец поднял брошенный плащ, потом постоял с ним посреди комнаты и ушёл к печи, не зная, куда его положить.

Позже мама нагрела воду и вымыла мне ноги, хотя я пыталась отобрать у неё тряпку. На левой пятке оказался длинный порез, которого я не чувствовала, пока она не коснулась кожи. Я смотрела на её склонённую голову, на седую прядь у уха и впервые всерьёз поняла, что утром могу увидеть её в последний раз.

— Ты думаешь, он меня съест? — спросила я, и голос прозвучал так тихо, что пришлось повторить. — На площади говорили разное, а я даже не слушала. Я думала, это случится с кем-нибудь другим, мама, и теперь мне ужасно стыдно.

Мама отжала тряпку и долго разглаживала её у себя на коленях. Она сказала, что люди всегда охотнее рассказывают страшное, когда не знают правды, а о Сером Утёсе никто из наших ничего не знает наверняка. Потом обняла меня ещё раз, и я была благодарна, что она не назвала меня дурочкой и не пообещала того, во что сама не верила.

Мы собирали вещи в старый сундук, с которым мама когда-то пришла в этот дом. Тёплое платье пришлось перешить у рукавов, чулки лежали непарные, а хорошую рубашку она велела

надеть сразу, чтобы не испачкалась в дороге. На дне нашлось место для гребня, куска мыла и чистого полотенца, которое всё берегли для гостей.

— Это возьми, — сказала мама, доставая из своего мешочка короткий нож в потёртых ножнах. — Хлеб нарезать, шнур перерезать, мало ли для чего пригодится. Только спрячем в подкладку, чтобы эти любопытные не отобрали ещё у порога.

Она распорола боковой шов плаща и пришила ножны так, чтобы рукоять находилась под левой рукой. Рядом закрепила иглу, обёрнутую лоскутом, и несколько раз проверила, не колет ли она через ткань. Мне всё хотелось спросить, откуда у неё этот нож, но я боялась услышать в ответ историю, которую потом не успею дослушать.

Отец подошёл, когда сундук был почти полон, и поставил рядом мои отчищенные башмаки. Сказал, что соседский мальчишка нашёл потерянный у ручья и принёс, пока меня водили к меже. Я поблагодарила, не глядя на него, и мы оба поняли, насколько чужим вышло это вежливое слово.

— Я просил управляющего взять другую, — выговорил отец после долгого молчания. — Потом понял, что прошу о том же самом для чужой семьи, и заткнулся. Не знаю, что ещё я должен был сделать, Эва, но знаю, что сделал мало.

Мне хотелось обнять его, потому что он постарел за этот вечер, и одновременно хотелось оттолкнуть за то, что обнять по-прежнему хотелось. Я спросила, почему он не пришёл ко мне сразу, и он ответил, что боялся услышать именно тот вопрос, который я задала за ужином. Я не сказала, что прощаю его, и он не стал просить.

За окном стражник переступил с ноги на ногу, и по ставне скользнула тень копья. Я вдруг вспомнила Мартеновы связанные руки и повернулась к двери прежде, чем успела испугаться. Отец хотел остановить меня, но мама удержала его за рукав и постучала в дверь. Снаружи скрипнул засов, и я приоткрыла дверь ровно настолько, чтобы видеть калитку.

Я позвала Грета, оставшегося у калитки, и дождалась, пока он подойдёт. Спросила, может ли он передать управляющему, что я поеду утром, но Мартен должен выйти на свободу после моего отъезда. Мне хотелось говорить твёрдо, однако на слове «свобода» голос предательски дрогнул, и пришлось сжать пальцы на дверном косяке.

— Ты не торгуешься, девушка, — устало произнёс десятник. — Кузнец жив, лекаря к нему послали, больше я тебе ничего не скажу. Собирайся и ложись, завтра ехать далеко, а мне приказано доставить тебя без новых затей.

Я попросила ещё раз, уже без всякой твёрдости, и увидела, как он отвёл глаза. Потом он вернулся к калитке, оставив меня с рукой на холодном дереве, и мама тихо закрыла дверь. Мы ещё долго сидели возле сундука, хотя складывать было больше нечего.

Лечь я так и не смогла, только устроилась на лавке под маминым одеялом. Подковка на шнурке упиралась в грудь, и я держала её сквозь рубашку, стараясь вспоминать кузницу до того, как пришла туда с приказом. Отец сидел у потухшей печи, мама дремала рядом со мной, а снаружи до самого рассвета кашлял молодой стражник.

Когда за окном посерело, он вдруг сказал кому-то, что ночью прихватило землю. Почти сразу у калитки остановилась повозка, и колёса тихо захрустели по первому инею. Я поднялась прежде, чем меня позвали, поправила подкладку под левой рукой и в последний раз за это утро посмотрела на наш стол.

Глава 2

Мама завязывала мне платок так долго, будто от ровного узла зависело, куда меня увезут. Пальцы у неё не слушались, и я сама подхватила концы, спрятав под подбородком дрожащую улыбку. Сказать что-нибудь ободряющее не получалось: за открытой дверью ждал Грет, а возле калитки незнакомый мужчина проверял, крепко ли привязан мой сундук.

Отец вышел первым и подал мне руку, когда пришлось забираться на повозку. В последний момент я всё-таки сжала его пальцы, но он уже отпустил, решив, что я просто боюсь соскользнуть с подножки. Мама шла рядом до поворота, придерживая борт, и только там позволила соседке увести себя с дороги.

— Я передал, о чём ты просила, — сказал десятник, остановив лошадь возле повозки. — Больше ночью кузнеца не трогали, можешь хоть об этом не беспокоиться. И не вздумай прыгать на ходу: довезти тебя велено целой, так что далеко уйти не получится.

Я спросила, когда Мартена отпустят, хотя заранее знала, что ответа не будет. Грет поправил перчатку, посмотрел на возницу и велел трогать, не оставив мне даже удобного случая возненавидеть его за прямой отказ. До края деревни он ехал рядом, потом свернул к баронскому дому, и дальше со мной остался только человек на облучке.

Лес принял нас без всякой торжественности: под колёсами чавкала грязь, в голых ветвях ссорились птицы. У первого оврага возница слез и повёл лошадь под уздцы, а я принялась прикидывать, успею ли добежать до деревьев, пока он отвернулся. Потом он бросил взгляд на меня, и я вспомнила связанные за спиной руки Мартена.

— Как вас зовут? — спросила я, когда мужчина снова сел на облучок. — Мы ведь будем ехать вместе ещё не один час, а я даже не знаю, к кому обращаться. Если у меня замёрзнут ноги и я попрошу остановиться, вам всё равно придётся отвечать.

Он назвал себя Борсом, не поворачивая головы, и придвинул мне краем локтя запасную попону. Я укрыла колени, поблагодарила и спросила, бывал ли он в замке прежде, но на этот раз мужчина только дёрнул вожжи. По тому, как он держал плечи, я поняла, что молчание ему даётся не легче, чем мне разговор.

Сторожка стояла там, где лес поредел и между стволами проступило белёсое небо. Под навесом лежали новые мешки зерна, на верёвке сушились рукавицы, а возле крыльца мальчишка чистил рыбу над деревянной лоханью. Я поймала себя на нелепой надежде: раз здесь спокойно готовят обед, значит, и впереди меня ждёт что-то, с чем люди умеют жить.

Дальше лес внезапно оборвался, и ветер ударил в лицо так сильно, что я зажмурилась. Когда открыла глаза, впереди оказалась огромная серая скала, отделённая от берега полосой воды, а на ней поднимался замок с неровной линией башен. Я раньше видела море только издалека и не знала, что оно может шуметь внизу так сердито, словно его заперли в слишком тесном месте.

Каменная дорога кончалась у маленькой будки с железной дверью. Борс достал из-под одежды ключ, открыл её и скрылся внутри, оставив меня слушать лязг и медленное постукивание цепи. Над водой начал опускаться мост, и я заметила на противоположной стене широкие тёмные потёки под его креплениями.

— За мной когда-нибудь приедут? — спросила я, прежде чем он взял вожжи. — Мне сказали только собрать вещи, а сколько здесь положено оставаться, никто не объяснил. Вы ведь не в первый раз ездите этой дорогой, Борс, не делайте вид, что не расслышали.

Борс ответил, что прежде возил грузы только до сторожки, а сегодня ему приказано доставить меня к воротам, и взял вожжи. На середине моста повозку качнуло, и сундук стукнулся о борт. Я невольно посмотрела вниз: волна разбивалась о камни у подножия скалы, а в

стороне между ними темнел узкий проход, куда вода уходила сплошной белой пеной. Спрыгнуть здесь означало не сбежать, а просто исчезнуть раньше назначенного срока.

У ворот Борс остановил лошадь и торопливо принялся отвязывать ремни. Я спустилась сама, придерживая плащ, и хотела помочь с сундуком, но он поставил его на землю так резко, что внутри глухо стукнуло что-то деревянное. Широкие створки были открыты, однако за ними никто не ждал и даже собака не вышла посмотреть, кого привезли.

— Вы хоть до дома помогите донести, — попросила я, показывая на длинную дорожку. — Здесь же ступеньки, а у сундука одна ручка держится на честном слове. Я не прошу оставаться со мной, только не бросайте вещи прямо на дороге.

— Дальше мне нельзя, — сказал он и отступил к колесу. — По дорожке пойдёшь прямо, дверь должна быть открыта. И сундук лучше не тащи за ручку, возьми снизу, он у тебя совсем рассохся.

Последнее замечание прозвучало так буднично, что я даже не сразу поняла: он действительно уезжает. Пока я пыталась придумать ещё какой-нибудь вопрос, Борс взобрался на облучок и развернул повозку почти на месте. Слишком резко щёлкнул кнут, хотя лошадь и без того тянулась к мосту.

Я пошла следом, решив хотя бы проводить взглядом человека, которому сегодня предстояло ужинать среди других людей. Колёса загрохотали по доскам, у будки мелькнула серая спина, и вдруг под ногами дрогнул камень. С той стороны ударил тяжёлый металлический звук, а ближайший ко мне край моста медленно оторвался от земли.

Я крикнула Борсу, но ветер отнёс голос к воде. Он то ли не услышал, то ли сделал вид, что занят лошадью, а мост продолжал подниматься, открывая пролив под каждой новой доской. Когда я подбежала к самому краю, зацепиться уже было не за что, и пришлось остановиться, чтобы не шагнуть в пустоту.

Возле креплений имелся железный кожух с узкой щелью и круглой пластиной посередине. Я потянула её, надавила, попробовала повернуть, но пальцы только скользили по мокрому металлу. Рядом на стене остались светлые прямоугольники, словно оттуда когда-то сняли часть устройства, однако понять какую я не смогла.

Тогда я закричала снова, уже не выбирая слов и не стесняясь того, как срывается голос. В ответ со скалы поднялись птицы, а на дальнем берегу Борс вышел из будки и поспешно сел в повозку. Я видела, как он нагнулся к лошади, и понимала, что он всё слышит.

За воротами начинался сад, который давно перестали подрезать. Ветви лежали поперёк дорожек, у стены поблёскивали мокрые яблоки, а в высоком бурьяне темнела перевёрнутая скамья. Всё выглядело заброшенным, пока я не заметила белую простыню на верёвке между двумя грушами.

Простыню пришпилили деревянными прищепками, под ней стояла корзина с вытертым боком. Я смотрела на эту корзину так долго, будто человек, поставивший её, мог появиться от одного моего ожидания. Потом взяла сундук снизу, как советовал Борс, и потащила к дому, через каждые несколько шагов останавливаясь перевести дыхание.

У двери я поставила его на ступень и постучала железным кольцом. Подождала, постучала ещё раз, а потом сама нажала на ручку, потому что стоять спиной к пустому саду становилось всё страшнее. Дверь подалась сразу, выпустив навстречу сухой, неожиданно тёплый воздух.

Я вошла боком, не решаясь сразу занести сундук. В широком холле пахло старым деревом, золой и едва уловимо яблочной кожурой, а на каменном полу лежал свет из высокого окна. Ковёр на лестнице выцвел до неопределённого цвета, зато посередине его совсем недавно подмели.

— Здесь кто-нибудь есть? — позвала я, придерживая дверь локтем. — Меня привезли от барона Ровена, моё имя Эвелина Рид. Я не знаю, куда нужно идти, а возница уже уехал.

Ответа не было, и я с трудом втянула сундук за порог. Слева находилась комната с открытыми дверями, где я различила кресла, высокий камин и столик возле окна, и направилась туда, надеясь найти хотя бы звонок для прислуги. На столике стояла чашка с коричневым следом на дне, а рядом лежал наполовину связанный чулок.

От вида чулка я испугалась сильнее, чем от пустой лестницы. Его оставили недавно, значит, кто-то мог стоять за спиной и молча наблюдать, как я переступаю с ноги на ногу посреди чужой гостиной. Я резко обернулась, прижав локоть к спрятанному ножу, и в этот момент за дверью послышались быстрые шаги.

Сначала появилась рука с тряпкой, потом женщина в коричневом платье, слишком широком в плечах. Она остановилась так внезапно, что задела косяк, и несколько мгновений смотрела на меня, не моргая. Лицо у неё было бледное, с тёмными кругами под глазами, а возле виска выбилась прядь, завязанная выцветшей лентой.

— Привезли, — произнесла она почти беззвучно и шагнула ко мне. — Всё-таки привезли, я уже думала, что они забыли и больше никто не придёт. Ты настоящая, да, только скажи мне что-нибудь, пожалуйста.

Не успела я ответить, как она обняла меня так крепко, что стало трудно дышать. Тряпка упала на пол, холодные пальцы стиснули мою спину, и я растерянно уставилась поверх её плеча на пустой дверной проём. Мне хотелось вырваться, но женщина дрожала всем телом, и я только осторожно положила ладонь ей между лопаток.

Она отстранилась сама, словно почувствовав, что я застыла. Несколько раз извинилась, подняла тряпку и принялась её складывать, хотя грязный край всё равно выворачивался наружу. Я заметила, что она никак не может решить, куда деть руки, и понемногу перестала ждать нападения.

— Меня зовут Эвелина, — повторила я, стараясь говорить отчётливо. — Вы здесь живёте или работаете, и мне нужно кого-нибудь о приезде предупредить? Я думала, нас встретят у ворот, но там вообще никого не было.

— Тесса, — ответила она, опустив глаза на тряпку. — А предупредить здесь некого, кроме меня, так что ты всё сделала правильно. Прости, я давно с людьми не говорила и забыла, что к незнакомым обычно не бросаются обниматься.

Я так и осталась возле кресла, не зная, можно ли сесть. Тесса проследила мой взгляд и отступила, освобождая мне дорогу. Её торопливость всё ещё немного пугала меня.

— Ты не обязана стоять смирно, — сказала Тесса, неверно истолковав моё молчание. — Здесь никто не проверяет, как ты присела и вовремя ли ответила, если ты из большого дома. Я сама целый день в первый раз боялась задеть что-нибудь, пока не поняла, что замечание мне делать некому.

Я объяснила, что никакой не служанкой приехала и до вчерашнего дня жила с родителями возле имения. Тесса спросила, сколько мне лет, сказала, что ей тридцать, и словно удивилась этому числу, произнесённому вслух. Потом посмотрела на мой сундук и предложила донести его вместе, но я попросила сначала рассказать, кто ещё находится в замке.

— Сейчас только мы, — ответила она, обхватив себя руками. — Я не шучу и не собираюсь тебя пугать, просто не знаю, как сказать помягче. Последние годы я даже со своим отражением разговаривала, чтобы не разучиться произносить слова.

Она наконец сунула тряпку в карман и спросила, давно ли я ела. Я не смогла вспомнить ничего, кроме вчерашнего хлеба в кузнице, и Тесса решительно взяла меня под локоть, на этот раз оставив возможность отойти. На кухню мы пошли рядом, а мой сундук так и остался у входа, единственная вещь, которая ещё требовала решить, где мне теперь жить.

Кухня находилась в конце короткого коридора и совсем не походила на комнаты, через которые мы прошли. Здесь горел огонь, висели вымытые сковороды и сохла на спинке стула

полосатая тряпица, а на подоконнике зеленел упрямый лук в щербатом горшке. Я остановилась у порога, не ожидая увидеть посреди чужого великолепия такой понятный угол.

Тесса сняла с меня плащ, заметила, как я придержала подкладку, но ничего не спросила. Повесила его поближе к печи, налила воду в чайник и поставила на стол две чашки из разных наборов. Одну вытерла дважды, а потом со смущённой улыбкой сказала, что давно держала её на верхней полке.

— Ты всё-таки скажи про дракона, — попросила я, когда она разрезала хлеб. — Я понимаю, что ты здесь одна, но ведь нас привозят к нему, это написано в приказе. Мне нужно знать, чего ждать, даже если ты думаешь, что лучше не говорить до еды.

Она положила нож, посмотрела на мои руки и прежде ответа подвинула ближе кружку. Чай оказался слишком горячим и пах сушёной мятой, но я обхватила его ладонями, благодарная за возможность согреться. Тесса села напротив, стараясь не отводить глаз, и сказала, что ни разу не видела никакого дракона.

— Меня привезли сюда десять лет назад, — объяснила она. — Я ждала до вечера, потом до утра, потом боялась выйти из комнаты целую неделю. Если он и существует, то либо забыл дорогу в собственный дом, либо очень старательно от нас прячется.

Я спросила, не может ли он жить в другой части замка, куда она не заглядывала. Тесса признала, что несколько помещений заперты, но за десять лет не видела ни чужих следов, ни огня в окнах, ни тени над садом. Произнеся это, она потёрла запястье и добавила, что ночные звуки здесь бывают, только их издаёт вода под скалой.

— Значит, тебя тоже выбрали, — сказала я, пытаясь справиться с кашей в голове. — И родителям сказали, что отказаться нельзя, потому что договор и всё остальное. Не понимаю, зачем тогда запирать людей в пустом доме и делать вид, будто здесь кто-то их ждёт.

Тесса рассказала, что отец чинил лодки, а мать торговала сушёной рыбой, но где они теперь, она не знала. Я едва не предложила написать им и успела прикусить язык. Десять лет не поместились в моей голове: за это время у нас сменились два мельника, умерла бабушка, Мартен вырос из ученика в мастера. Я пыталась представить, что все эти годы видела бы из окна один и тот же кусок берега и не знала даже, кто дома теперь носит воду.

— Меня выбрали в другом баронстве, на рыбацком берегу, — сказала Тесса. — Когда я приехала, здесь были ещё две женщины. Марена жила дольше всех, а Сивилла приехала следующей, за десять лет до меня. Они встретили меня на этой кухне, дали поесть и сказали, что ничего страшного со мной не случится, если я не стану делать глупостей.

Они прожили втроём около года, прежде чем Марена решила, что ждать больше незачем. Вместе с Сивиллой она несколько месяцев собирала ткань, связывала полотнища и выбирала место, где до нижнего уступа казалось ближе. Тесса говорила всё тише, и я уже знала, чем закончится рассказ, но не могла заставить себя попросить её остановиться.

— Я держала фонарь, — сказала она, сглотнув. — Мне велели смотреть, не цепляется ли ткань за острый край, а узел был выше, я его не видела. Потом что-то лопнуло, и свет вырвало у меня из руки, потому что я бросилась хватать то, чего уже не было.

Я спросила, нашлись ли они потом, и сама испугалась того, насколько жестоко прозвучал вопрос. Тесса покачала головой и объяснила, что видела падение, но после темноты и пены не сумела разглядеть ничего. Утром она кричала со стены, оставляла на виду простыни и ждала лодку, однако никто не остановился возле скалы.

— Ты не могла удержать их одна, — сказала я, осторожно накрыв её пальцы своими. — Даже если бы успела схватить ткань, вас могло унести всех троих. Прости, я не знаю, что здесь нужно говорить, но не хочу, чтобы ты рассказывала это так, словно сама столкнула их вниз.

Потом я вспомнила слова женщины у колодца и спросила про десятилетний срок. Тесса отвернулась к маленькому окну над столом и сказала, что сегодняшний день отмечен у неё

давно, задолго до того, как она услышала колёса. Она думала, что новую девушку привезут вместе с повозкой, в которой ей самой наконец разрешат уехать.

— Может быть, он вернётся за тобой, — выговорила я и сразу поняла, как это звучит. — Борс очень торопился, но вдруг ему просто велели сначала отвезти меня. Я видела сторожку совсем рядом, там есть люди, мы могли бы хотя бы докричаться до них.

Тесса сжала губы, однако не стала ни соглашаться, ни отнимать у меня последнюю возможность придумать хорошее объяснение. Она только спросила, съела ли я хоть кусочек хлеба, и я обнаружила, что всё ещё держу его над тарелкой. Пришлось откусить, потому что на её лице было такое отчаянное желание сделать для меня хоть что-нибудь полезное, что отказываться казалось жестоким.

После чая мы всё-таки пошли к воротам, и Тесса несла моток тонкой верёвки, хотя сама не верила, что он пригодится. Я взяла нож, решив не скрывать его от единственного человека, который мог помочь, и показала рукоять под плащом. Подруга на мгновение замерла, потом сказала, что мама у меня умная, и отвела глаза.

На площадке ветер сделался ещё сильнее, а дальний берег за послеполуденным светом выглядел обманчиво близким. Я позвала смотрителя, помахала платком и стала ждать, надеясь заметить возле будки хоть какое-нибудь движение. Тесса стояла рядом, ни разу не сказав, что пробовала всё это прежде, и от её молчания мне было легче продолжать.

Мы снова осмотрели железный кожух, теперь уже вдвоём. Тесса показала следы на камне, оставшиеся после её попыток поддеть край кухонной кочергой, а я просунула нож в щель и быстро поняла, что скорее сломаю лезвие, чем сдвину толстую пластину. За ней что-то глухо отозвалось на стук, но добраться туда без тяжёлого инструмента было невозможно.

— Я не сразу перестала искать, — сказала Тесса, когда я убрала нож. — Сначала мне тоже казалось, что они чего-то не заметили, а уж я-то замечу. Не хочу, чтобы ты думала, будто я десять лет просто сидела у печи и ждала, когда кто-нибудь всё сделает за меня.

Я ответила, что ничего такого не думаю, и попросила рассказать, где она уже смотрела. Оказалось, к окну над площадкой можно привязать верёвку, но самой верёвки не хватит даже до ближайшего уступа, а противоположный берег слишком далеко, чтобы перебросить крюк. Внизу имелся старый спуск к воде, только часть ступеней осыпалась, а течение между скалами менялось быстрее, чем успевал сообразить человек наверху.

На обратном пути мы задержались в саду: у северной стены дорожка исчезала под травой, а за зарослями темнела низкая арка. Тесса остановила меня прежде, чем я успела туда свернуть, и объяснила, что дальше начинается нижняя терраса со старым служебным спуском. Я вспомнила фонарь, выпавший из её руки, и не стала доказывать свою смелость, хотя отметила место, чтобы когда-нибудь осмотреть при дневном свете.

Кладовые находились возле кухни, за двумя тяжёлыми дверями, и там я наконец перестала понимать увиденное. На полках стояли горшки с маслом, в ящиках лежали овощи без единого пятна, а под потолком висели связки трав, пахнувшие так, будто их высушили этим летом. Я подняла крышку бочки с мукой и спросила, кто всё это привозит, если Борс ездил только до сторожки.

— Думаю, никто, — ответила Тесса, забирая у меня тяжёлую крышку. — Марена говорила, что здесь старое заклятие, и велела не высыпать ничего на пол ради проверки. Я в первый год боялась умереть с голоду, но кладовые всё ещё полны, как видишь.

Она приготовила для меня комнату ещё утром: проветрила, положила чистое бельё и растопила маленький камин. Заметив моё удивление, призналась, что в последние дни несколько раз меняла здесь воду в кувшине, чтобы к приезду она была свежей. Мне захотелось сказать, что я благодарна за ожидание, но в голове стояла мама у поворота, и слова не находились.

Мы принесли сундук вместе и поставили возле кровати, где его сломанная ручка наконец отвалилась. Тесса извинилась так виновато, будто это она сделала дерево старым, а я неожи-

данно засмеялась и попросила принести гвоздь, если найдётся. Смех получился коротким, неловким, зато подруга тоже улыбнулась, и в комнате сразу стало немного легче дышать.

Под вечер она оставила меня одну, предварительно объяснив, где находится её спальня и как позвать, если понадобится помощь. Я разложила вещи, повесила мамино полотенце возле кувшина и достала из-под рубашки подковку, долго державшую тепло кожи. Положила её на столик у кровати, рядом с тонкой книгой, которую обнаружила в нижнем ящике.

В книге были сказки, напечатанные крупными буквами и украшенные неумелыми рисунками. У одной страницы оторвали угол, на другой кто-то обвёл карандашом смешную лису, а на последнем листе осталось выцветшее пятно от чашки. Я провела пальцем по обложке и подумала, что до меня здесь тоже лежали без сна, пытались читать и слушали шаги в коридоре.

Снизу донёсся протяжный глухой звук, и я замерла, придерживая книгу обеими руками. Он прошёл по камню под ногами, затих, потом повторился тише, напоминая чьё-то тяжёлое дыхание во сне. Я вышла в коридор прежде, чем успела решить, стоит ли тревожить подругу, и увидела свет в её приоткрытой двери.

— Это вода в пещерах, — сказала Тесса, выслушав меня и накинув шаль. — Когда прилив поворачивает, здесь иногда даже посуда на полке дрожит, я сначала тоже пугалась. Можешь оставить дверь открытой, я ещё долго буду сидеть с вязаньем и услышу, если позовёшь.

Я вернулась к себе, но дверь закрывать не стала. Улеглась поверх одеяла, придвинула книгу к подковке и несколько раз проверила, виден ли из коридора тёплый прямоугольник света на полу. Где-то под садом снова выдохнуло море, а за стеной тихо звякнули спицы, и я впервые с утра позволила себе перестать прислушиваться к шагам тех, кто мог прийти за мной.

Глава 3

Наутро я проснулась от того, что кто-то осторожно скребётся возле двери. Спросонья решила, будто мама принесла чистую рубашку и не хочет будить меня перед работой, поэтому ответила, что сейчас встану. Только когда в проёме показалась Тесса с охапкой дров, я вспомнила, почему над кроватью чужой потолок, а из окна видна вода.

Первые два дня мы прожили очень осторожно, постоянно уступая друг другу дорогу. Подруга спрашивала, не хочу ли я чаю, раньше, чем я успевала понять, хочу ли вообще вставать, а я боялась переставить даже стул без разрешения. К вечеру второго дня от этой заботливой неподвижности у меня начали чесаться ладони, и я предложила заняться кухней.

— В маленькой столовой стоит хороший стол, — сказала я, отодвигая таз с замоченной посудой. — Если снять с него скатерть и перетащить сюда, можно будет есть возле окна, а не втиснувшись между тестом и помойным ведром. Твой рабочий стол останется на месте, только старый сундук придётся убрать в кладовую.

Тесса замерла с мокрой тарелкой в руке. Сундук стоял у солнечного окна, на крышке лежали корзина с нитками и сложенное вчетверо одеяло, и мне казалось, что для них легко найти другое место. Она сказала, что всё и так удобно, поставила тарелку сушиться и принялась мыть ту же ложку, которую только что вытерла.

— Мы ведь не собираемся жить здесь вечно, — продолжила я, принимая её молчание за сомнение. — Зато пока придётся остаться, лучше хотя бы нормально обедать, чем каждый раз двигать миски коленом. Я половину дня ничего не делаю и чувствую себя так, будто меня велели хранить до особого случая.

— Тогда не двигай мои вещи, — резко ответила Тесса. — Ты здесь два дня, а уже решила, что я неправильно сижу и не там ем. Мне было удобно, Эвелина, даже если со стороны кажется, что всё у меня не по-людски.

Я отступила от сундука, хотя ещё не успела до него дотронуться. Больше всего обидело не то, что она отказалась, а то, как быстро я превратилась из желанного гостя в человека, мешающего на собственной кухне. Я сухо сказала, что поняла, и понесла таз к двери, чтобы больше ничего не предлагать.

Тесса окликнула меня раньше, чем я вышла. Сказала, что в сундуке хранятся последние вещи из её дома, а сверху она сидела зимой, когда от окна тянуло холодом и другого света для шитья почти не было. Я поставила таз и вдруг представила её на этом продавленном одеяле в первый год, когда каждое утро ещё могло казаться началом возвращения.

— Я не знала, — сказала я, уже совсем другим голосом. — Думала, тебе тоже хочется что-нибудь изменить, раз теперь нас двое. Мне страшно, что я привыкну к этим стенам и однажды перестану помнить, зачем вообще отсюда выходить.

Она обхватила себя руками и посмотрела на окно. Призналась, что тоже мечтала о переменах, пока они не начались и не выяснилось, что теперь придётся привыкать ещё и ко мне. Я молчала, а Тесса наконец сказала, что за десять лет слишком хорошо научилась раскладывать вещи так, чтобы утром находить их на прежнем месте.

— Давай сначала спросим друг друга, — предложила я, придвигая ей стул. — Сундук можно оставить у второй стены, а одеяло положить на кресло, если тебе так будет удобно. Если нет, найдём другое место для стола, я не собираюсь отбирать у тебя всё, что помогало здесь жить.

Большой стол оказался тяжелее, чем выглядел, и передвинуть его с достоинством нам не удалось. Мы сняли столешницу, перепачкались в пыли, по очереди застряли с ней в двери и рассмеялись только тогда, когда Тесса велела мне перестать командовать деревом. Сундук в конце концов устроили возле печи, а корзину с нитками подруга сама перенесла на подоконник.

За ужином мы сидели напротив друг друга, свободно вытянув ноги. Тесса сказала, что я совершенно напрасно заставила её отмывать вторую половину окна: теперь придётся смотреть, какая там грязная рама снаружи. Я пообещала закрывать её собой, если подруга согласится утром не спрашивать разрешения разбудить меня к завтраку.

После кухни мне захотелось навести порядок и в кладовых, где вещи хранились не столько по назначению, сколько по давности знакомства с Тессой. Она уже не возражала, только попросила не трогать маленькую полку с банками, пока сама не посмотрит, что там стоит. Я взяла старую хозяйственную тетрадь с чистыми листами в конце и решила записать припасы, чтобы хотя бы в этом перестать зависеть от чужих объяснений.

— Корицу береги, — предупредила она, увидев, что я откручиваю крышку маленькой банки. — Там на самом дне, и больше я нигде не находила. Марена любила сыпать её в яблоки, а я всё берегла для случая, когда будет не жалко потратить.

Мы решили, что случай уже наступил, и пустили остатки в начинку. Пока яблоки томились у печи, я показала Тессе полку, на которой оставались два небольших мешка муки, и отметила число в тетради. Следующим утром мешков стало три, причём третий лежал ровно на том месте, где я оставила пустое пространство для кувшинов.

Я позвала подругу, уверенная, что она решила надо мной подшутить. Тесса выслушала, заглянула под полку и сказала, что прежде мука тоже не кончалась, только она никогда не считала мешки подряд несколько дней. Коричная банка осталась пустой, и почему-то именно это заставило меня поверить в увиденное.

В ящике снова лежал лук, который накануне мы перебрали почти до дна. Горшок масла оказался полон, зато у сушёных слив и пряностей количество не изменилось, как и у дорогого вина под дальней стеной. Я провела в тетради новую черту и почувствовала такое возбуждение, будто наконец нашла в этих стенах дверь, которую хотя бы можно было изучить.

Тесса принесла две одинаковые миски, и мы отмерили немного крупы из разных мешков. Я завязала горловины нитками, убрала миски на виду и велела себе не ждать чуда немедленно, а просто смотреть, что станет происходить дальше. За следующие дни ничего не прибавилось, и это тоже оказалось полезным: заклятие, похоже, действовало в определённое время, а не исполняло каждое наше желание.

— Выходит, если я захочу новое платье, корзинка его не родит, — задумчиво сказала Тесса. — А жаль, потому что у этого рукава уже больше заплат, чем ткани. Ты только не вздумай записать меня в расходы, я и так половину масла вчера уронила в тесто.

На обед Тесса приготовила солёную рыбу из большой глиняной посудины, которую я до этого обходила из-за запаха. Пока отмачивала ломти, рассказала, как отец проверял рассол и ругал покупателей, если те выносили бочонки на солнце. Я слушала и вдруг поняла, что раньше знала о её семье только то, что она не получала от них писем.

После еды мы поднялись на стену над садом, и Тесса показала, как меняется цвет воды возле скал. Там, где мне виделась просто тёмная полоса, проходило течение, а спокойная на вид заводь могла вытянуть пловца к узкому каменному горлу. Я спросила, хорошо ли она плавает, и подруга ответила, что отец научил её держаться на воде раньше, чем аккуратно держать ложку.

— Только это не значит, что я поплыву домой, — добавила она, заметив мой взгляд. — Здесь вода другая, и берег снизу выглядит совсем не так, как со стены. Я умею бояться не только потому, что долго прожила одна, иногда у страха есть вполне толковые причины.

Я призналась, что уже пыталась бежать, прежде чем меня привезли на утёс. Рассказала про кузницу, сапоги с набитыми носками и старый бук, до которого мы почти дошли, а потом не смогла остановиться и заговорила о Мартене так, словно подруга знала его с детства. Тесса слушала, не перебивая, и лишь однажды спросила, больно ли его ранили.

Ответить наверняка я не могла, и это оказалось хуже всего. Я знала, как он любит хлебную корку, какой рукой придерживает голову лошади и что зимой у него трескается кожа возле

большого пальца, но не знала, может ли он сейчас свободно выйти за дверь. Тесса не сказала, что его обязательно отпустили, только отодвинулась от каменного края, освобождая мне место рядом с собой.

— Ты потом расскажешь ему, как здесь всё устроено, — произнесла она после паузы. — Он ведь умеет разбираться в железе, может быть, поймёт то, чего мы не понимаем. Только сначала нам надо дожить до этого «потом», а значит, ужин сегодня всё равно придётся готовить.

К ужину понадобилось чистое полотенце, и поиски привели нас в комнату с длинным бельевым шкафом. Внизу лежали простыни, выше теснились платья, укрытые пожелтевшими чехлами, а на верхней полке обнаружилась коробка с пуговицами, от которой у Тессы сразу изменилось лицо. Она достала маленькую костяную застёжку и сказала, что Сивилла разыскивала её целую неделю.

Я присела на ковёр и осторожно развернула лежавшее рядом синее платье. Оно оказалось узким в талии и с широкими рукавами, какие я видела на старых картинках в доме приходского писаря, куда бабушка иногда брала меня девочкой. Тесса провела ладонью по ткани и улыбнулась впервые за весь разговор о прежних обитательницах замка.

— Сивилла уверяла, что в нём похожа на жену сборщика податей, — сказала она. — Поэтому носила только тогда, когда собиралась сердиться, чтобы мы заранее готовились. Если с утра надевала синее, я старалась не оставлять нож возле хлеба, она терпеть этого не могла.

Марена любила сладкое и прятала изюм в свёрнутых чулках, уверенная, что там никто не догадается искать. Однажды Тесса, разбирая стирку, высыпала целую горсть в таз, и Марена потом долго уверяла, что виноград просто решил снова стать свежим. Подруга рассказывала это, перебирая чужие пуговицы, и смех у неё понемногу делался свободнее.

— У Марены дома оставались дети, — продолжила она, складывая платье. — Когда её увозили, старшая дочь уже помогала с младшими, а здесь она всё боялась, что они забудут её голос. Сивилла собиралась вернуться к сестре, говорила, что та без неё непременно выйдет за человека, который не умеет держать деньги в кармане.

Я положила на колени полотенце, за которым мы пришли, и вдруг перестала понимать, как можно было десять, двадцать лет подряд ожидать одного и того же утра. У нас дома бабушкино отсутствие ещё долго обнаруживалось в самых простых вещах: никто не помнил, куда она убирала сухие травы, а её кружку мама не позволяла переставлять. Я осторожно спросила, можно ли нам пользоваться оставленным бельём, и Тесса кивнула, не поднимая глаз.

— Оно всё равно испортится, если лежать, — сказала она. — Марена бы велела вытряхнуть пыль и перестать вздыхать над тряпками, только платье оставим, ладно? Я когда-нибудь сошью из него что-нибудь для себя, а пока пусть побудет таким, каким я его помню.

Мы отобрали две простыни для кухни и сняли в маленькой столовой разорванную занавесь. Я распорола верхний подгиб, Тесса стала выбирать из коробки подходящие пуговицы, и за этим делом тетрадь с хозяйственными записями снова оказалась у меня под рукой. Осторожно разделив слипшиеся листы, я нашла на полях полные имена: Марена Холт и Сивилла Нерр.

Из-под задней крышки выпал сложенный вчетверо лист, хрупкий на сгибах. На нём виднелись квадраты комнат, длинный проход и стрелка возле северной стены, где я в день приезда заметила заросшую арку. У самого края стояло слово «лестница», а дальше бумага была оборвана, словно кто-то оторвал продолжение, не заботясь о ровном крае.

Тесса побледнела, прежде чем я успела спросить, куда она ведёт. Объяснила, что Марена собирала старые схемы в надежде найти другой выход, но после её исчезновения подруга почти все бумаги убрала подальше. Этот лист, видимо, остался в тетради, которой Тесса потом не пользовалась: считать масло самой для себя ей давно стало незачем.

— Ты ведь не пойдёшь туда одна? — спросила она, всё ещё глядя на стрелку. — Я не могу запретить, но не хочу однажды услышать, как под окном снова что-то сорвётся, и понять,

что опять осталась у стены с пустыми руками. Если найдёшь способ выйти, скажи мне прежде, чем станешь его проверять.

Я положила ладонь на её сжатые пальцы и пообещала не предпринимать одиночного побега. Схему попросила оставить мне, потому что понимать устройство замка всё-таки хотелось, а выбрасывать единственную найденную подсказку казалось неправильным. Тесса согласилась и сама расправила лист между чистыми страницами, стараясь не задеть ногтем ветхую бумагу.

К концу первой недели дорожка к белой яблоне стала проходимой, а перевёрнутая скамья наконец встала на ножки. Мы с Тессой вычистили её щётками, подложили камень под короткую опору и решили пообедать в саду, пока небо не передумало оставаться ясным. Подруга несла корзину с хлебом, а я тащила одеяло и кувшин горячего настоя, возмущаясь, что для двух заключённых у нас слишком много вещей для прогулки.

Яблоню называли белой из-за светлой коры, местами почти серебристой на солнце. Под ней было тихо, море закрывала высокая стена, и только солёный запах напоминал, что сад стоит над водой. Когда Тесса сняла с корзины салфетку, я вдруг вспомнила, как мама раскладывала еду в поле, и смогла подумать об этом без немедленных слёз.

— Чего тебе хочется, когда мы выберемся? — спросила я, когда она завернула остатки хлеба. — Только не начинай с того, что полезно для других, я имею в виду то, что сделала бы в первый день для себя. Можно даже что-нибудь совершенно бесполезное, никто ведь не станет проверять, разумно ли мы распорядились свободой.

— В баню, — ответила Тесса так быстро, что мы обе рассмеялись. — В настоящую, где не надо самой таскать воду, а потом мыть пол и думать, хватит ли дров на завтра. И ещё хочу булку из пекарни, чтобы кто-то другой испачкался в муке, а я только откусила.

Она начала описывать ту пекарню у причала, куда отец водил её по утрам, и вдруг замолчала на середине фразы. Потом сказала, что дому необязательно оставаться таким, каким его запомнили, и, наверное, возле причала давно торгует другой человек. Я отложила чашку, потому что подруга произнесла это с нарочитой лёгкостью, которой я уже научилась не верить.

— Боюсь прийти, а там меня некому будет узнать, — призналась она. — Соседские дети выросли, родители могли умереть, да и дом наш был съёмный, нас никто не обязан ждать на том же месте. Иногда я думаю об этом, а потом начинаю злиться на себя за то, что сижу здесь в тепле и боюсь открытой дороги.

Я потянулась через одеяло и сжала её руку. Тесса ответила коротким пожатием, потом занялась пробкой от кувшина. Несколько мгновений мы молчали.

— Если выберемся в разные стороны, будешь писать? — спросила она, всё ещё возясь с пробкой. — Я понимаю, у тебя свадьба, дети потом, и вообще никто не обязан всю жизнь помнить человека, с которым пришлось делить кухню. Просто хочется заранее знать, что я смогу хотя бы рассказать тебе про ту булку, даже если она окажется невкусной.

Я пообещала отвечать и заставила её обещать то же самое. Потом мы долго придумывали, как будем навещать друг друга и что подруга скажет Мартену, если он решит, будто я за время отсутствия научилась лишь спорить с пустыми банками. Тесса уверяла, что расскажет ему про стол и что после этого любой разумный кузнец добровольно отодвинет от окна всё лишнее.

Когда мы собрались уходить, подруга поймала меня за рукав. Попросила не исчезать молча, даже если поссоримся или однажды захочется побыть совсем одной, и я ответила, что она тоже должна говорить со мной, а не угадывать мои мысли. Это прозвучало немного торжественнее, чем я собиралась, и пришлось сделать вид, будто мы заключили всего лишь полезный договор насчёт возвращения посуды на кухню.

На обратном пути ветер сдул с корзины салфетку и загнал её к северной стене. Я полезла между кустами, придерживая подол, и почувствовала возле щиколоток тёплый воздух, хотя

камень вокруг оставался холодным. Под плющом темнела узкая впадина, а мох перед ней был пригнут, как возле щели под кухонной дверью, откуда всё время тянуло жаром.

Вечером мы допили настой на новой кухне, повесили починенную занавесь и разошлись по комнатам раньше обычного. После работы в саду Тесса устала и почти засыпала над чулком, зато я, едва легла, обнаружила, что совершенно не могу сомкнуть глаз. В голове путались наш разговор о возвращении, лицо Мартена и тёплая струя воздуха у камня, за которым по схеме могла начинаться лестница.

Я зажгла маленький фонарь, проверила масло и надела плащ, стараясь не задеть ножнами край стола. Сказала себе, что посмотрю только на верхние ступени и сразу вернусь: осмотр стены ещё не был побегом и не нарушал данного обещания. Но возле Тессиной двери всё-таки задержалась и несколько мгновений слушала ровное дыхание, прежде чем пройти дальше.

У северной стены было тише, чем возле открытых дорожек. Плющ шевелился изнутри от слабого тёплого потока, и я осторожно развела стебли руками, стараясь не зацепить их за решётку фонаря. За ними обнаружилась узкая арка, а ниже начинались ступени, вырубленные в камне и уходившие в темноту вдоль стены.

За поворотом шум моря сделался глуше. Ступени расширились, справа показалась стена с остатками извести, и на ней висел ржавый крюк, когда-то державший светильник. Я остановилась возле него, собираясь наконец повернуть обратно, и услышала тот самый протяжный выдох, который в первую ночь приняла за движение воды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.